

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
Санкт-Петербургского
государственного университета,
доктор геолого-минералогических наук,
профессор С. В. Аплонов

09 2018

**Отзыв ведущей организации
на диссертацию Фатимы Анатольевны Озовой
«Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552 – 1829 гг.»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Диссертация Ф. А. Озовой достаточно масштабное научное сочинение, развернутое на 679 страницах. Оно состоит из введения, четырех глав, заключения, а также списка сокращений, источников и литературы, приложений и таблиц. В первой главе работы рассмотрены теоретические, историографические и источниковедческие аспекты института аманатства; во второй – «посольский период» в черкесско-российских отношениях (1552 – 1697); в третьей главе изучаются те же отношения, но в период 1722 – 1763 гг. («внутренняя дипломатия»); в четвертой – в центре внимания, соответственно, период 1763 – 1829 гг. К оформлению диссертации претензий, практически, нет. Хотя, не совсем понятно, почему, в списке источников и литературы «Адыгская энциклопедия» отнесена к разряду монографий и статей, а, скажем, «Библейская энциклопедия» отражена в категории «Справочные издания». Странное впечатление производят и некоторые таблицы, например, деление взглядов русских военачальников на Кавказе на «прогрессивно-имперские» и «регрессивно-имперские». В то же время таблица, содержащая информацию обо всех аманатах явно полезна для решения поставленной задачи. Сразу надо сказать, что диссертация не только хорошо оформлена, но и достаточно полно представлена в уже увидевших свет опубликованных материалах (монографии, статьях), выступлениях на 20 международных, всероссийских и региональных конференциях различного статуса. Автореферат написан очень хорошо, четко и ёмко отражая содержание обширной диссертации.

Об актуальности проблематики и говорить-то даже как-то неловко, поскольку работа Ф. А. Озовой посвящена теме, жизненно важной не только для прошлого, но и для будущего России. В западной историографии эту тему отнесли бы к разряду колониального наследия (colonial legacy) России, в советской науке – к некоему

национально-государственному строительству, теперь же толкуют о «типах формирования многонационального Российского государства». Впрочем, в той же советской исторической науке работы, посвященные данной теме, были наперечет. Мысль о том, что «проблема актуальна на трех уровнях: субрегиональном, региональном и общероссийском» сколь верна, столь и недостаточна – она актуальна, прежде всего, на высшем уровне, замыкаясь на главный вопрос: судьбу многонациональной России. Будет ли существовать Россия в таком виде, в каком она сейчас существует – без исторической ретроспективы все подобные вопросы повисают в воздухе. И не случайно автор видит такую антиномию в предшествующей историографии: от добровольного вхождения в Московское царство в середине XVI в. до перманентной 400-летней войны.

Автор прокламирует третий путь, выискивая его в рамках концепции военного и военно-политического союзов. Это, в свою очередь, позволило бы автору обнаружить в двусторонних отношениях несколько аспектов, причем важнейшим из них является дипломатический. При этом под «дипломатическими» понимаются посольские (1552 – 1721) и некие «внутридипломатические» (1722 – 1829) контакты. В контексте такого рода отношений особое место автор отводит институту аманатства. К характеристике этой концепции нам ещё придётся вернуться, пока же отметим, что территориальные рамки исследования определены четко: земли Цетрального и Северо-Западного Кавказа, в разное время вошедшие в состав Российской империи. Также ясны читателю и хронологические рамки: с момента возникновения черкесско-российских посольских отношений в 1552 г, в связи с которыми при московском дворе появились первые черкесские аманаты, и до 1829 г., когда Кабарда окончательно юридически вошла в состав Российской империи (1822), а последние кабардинские аманаты были возвращены домой.

Сложнее обстоит дело с объектом и предметом исследования. Читателю довольно скоро становится понятно, что объект исследования шире, чем это представлено в названии: автор работы, по сути дела, изучает российско-черкесские отношения за весь длительный период времени, а институт аманатства – главный, но всё-таки инструмент познания сути и характера этих таких непростых отношений. Кстати, автор это и сам понимает, довольно широко определяя объект своих исследований: тут и международная конъюнктура в Восточной Европе, и кавказская политика Российского государства и многое другое. Может быть стоило это как-то и в названии отразить? Хотя данное замечание не носит принципиального характера...

Задачи, которые автор ставит перед собой, связаны, в основном, с изучением института аманатства. И надо сказать, что трудолюбие и целеустремленность, которые явно свойственны нашему автору, сделали здесь своё дело. Ф. А. Озова изучила огромный

комплекс источников, как опубликованных, так и архивных (центральных и локальных архивохранилищ) и можно смело сказать, что она создала яркий и многогранный портрет института аманатства, по крупицам собрав сведения обо всех аманатах, которые сохранились в источниках. Наверное, самое время и место сказать об источниковой фундированности диссертации – источники многочисленны и разнообразны – тут и нарративы, и актовый материал, переписка, мемуары, материалы периодической печати, обычного права, генеалогии, исторические песни и предания. В работе содержится емкий очерк, в котором даются подробные характеристики источников. Важно отметить, что ряд источников из местных архивов впервые вводится в научный оборот. Автор демонстрирует умение работать с разного рода источниками и получать сведения из них. Помогает, видимо, «критический подход к содержанию источников», который применяет автор. Хотя, может быть, стоило сказать подробнее, что имеется в виду...

Без сомнения интересна и полезна для науки глава, посвященная теоретическим, историографическим и источниковедческим аспектам аманатства. Автор даёт широкий и разносторонний анализ этимологии и семантики самого слова «аманат». Это одна из тех задач, которые он перед собой ставит: «исследовать изменявшиеся на протяжении выбранного хронологического периода семантические связи и смыслы ключевого понятия аманат». Наблюдения автора касательно этимологии убедительны, чего не скажешь о проведенном типологическом анализе. Представляется, что мобилизованный автором материал по истории социальных организмов разных стадийальных уровней и географических зон, вряд ли позволяет построить такую типологию: заложничество дипломатическое и аманатство. По мысли автора, первый тип характерен для Древней Руси, Европы, Кавказа и, вероятно, для многих других этнических и региональных традиций. В Новое время на смену заложникам пришли земли, города, провинции и т. п. А вот для таких «империй» как Османская, Сефевидская и Российская характерно именно аманатство. Эта концепция выглядит надуманной, для того, чтобы сыграть свою роль в дальнейших рассуждениях. Когда восточные славяне (Киевская Русь) брали талей у половцев – то, какое тут эквивалентное заложничество? К тому же в теоретическом плане автор опирается здесь на работы Э. Ваттеля и В. Н. Татищева, а они несут на себе печать своего времени, отражая взгляды и знания людей, недалеко ещё ушедших от Средневековья. Не будем же мы сейчас (при всём уважении) изучать древнерусскую историю по В. Н. Татищеву!

Историографический анализ проблемы автором интересен, но временами вызывает некоторые вопросы, поскольку присутствует некая недоговоренность. Так, отмечено, что «особое место в кавказоведении занимает историко-юридический труд

М. М. Ковалевского», но чем этот труд важен для понимания проблемы аманатства, в работе не сказано. Вообще, при ближайшем рассмотрении оказывается, что историографический обзор гораздо шире проблемы аманатства, распространяясь на все российско-кавказские отношения. Ещё одно замечание – недостаточное внимание к западной историографии – можно было бы привлечь гораздо более широкий круг историков и их трудов. Конечно, западную историографию мобилизовать трудно. Но дело в том, что в ней разработаны теории, которые могли бы оказать историку большую пользу. Имеем в виду, прежде всего, теорию фронта, которая освоена уже и российскими историками.

Теперь мы подошли к очень важному пункту нашего отзыва. И вот тут, хотя так обычно не делается, сформулируем основной наш вывод по интересному и ценному (это не для красного словца!) труду Ф. М. Озовой. Всё лучшее и бесспорное, что есть в её труде – это результат её ума, трудоспособности и большого интереса к исторической науке и выбранной для исследования темы. Всё спорное и методологически слабое – результат своеобразного состояния отечественной исторической науки. Особенно ярко это проступает при анализе черкесско-русских отношений в 1552 – 1697 гг. Сама постановка вопроса: «Российская и черкесская политические модели: параллели, пересечения» не очень корректна. Трудно возразить против того, чтобы «рассматривать Черкессию как единое национальное и культурно-историческое пространство» (почему бы и нет?), но вот уже мысль о том, что в «I тысячелетии н. э. сформировалась раннефеодальная адыгская народность» – вызывает вопросы. Если действительно адыгская народность сформировалась, то почему она – раннефеодальная? Автор остался в стороне от всех споров, которые шли в историографии касательно феодализма у горских народов, да и у народов Восточной Европы (и, кстати, Западной – вспомним последние работы А. Я. Гуревича) вообще. «Феодальный портрет» «Черкесии», представление о ней, как о «феодальной монархии» никак не убеждает современного читателя, тем более идея о «близости черкесского феодализма к европейскому типу феодализма» (таковой тип, кстати, мало, кто ныне признает).

Подобные взгляды – это вчерашний день исторической науки. И не случайно литература, которая фигурирует в этом разделе, относится к временам СССР. Доказать, что «феодальные отношения в черкесском обществе развивались в архаических и раннефеодальных формах» (В. Х. Кажаров) соответственно, при господстве феодального содержания – никак невозможно! Все эти институты, хорошо известные источникам: *хасэ* (суд, народное собрание); *тхьмадэ* (старейшина) и др. ведут не в мифический «феодализм», до сих пор, как не странно, греющий сердце некоторых кавказских

историков, а в первобытную эпоху, традиции которой живы не только на Кавказе, но и в Восточной Европе в целом, по сей день. И уж совсем курьёзным выглядит ныне определение древней Черкесии как сословно-представительной монархии или «федеративной княжеской республики с представительным образом правления». Оказывается, что, имея типологическое сходство с сословно-представительными «собраниями (или феодальными парламентами)» Англии, Франции, Венгрии, Чехии, Испании, славные *хасэ* ближе всего... к Польше XVI – XVIII вв. Тут в ход идёт даже мода в Польше на черкески, которая, якобы, свидетельствует о сходстве не только «ментальных конструкций», но и социально-политического строя. Но нас не убеждает даже то, что на сходство сеймов и *хасэ* указал такой авторитет, как полковник и князь Исмаил Атажукин. Вообще, вся эта «европейская терминология», пусть временами и взятая в кавычки, никак читателя не убеждает. Фактически, каждое подобное утверждение автора может быть легко оспорено с методологической, фактической и источниковедческой точек зрения. К сожалению, размеры сочинения, относящегося к жанру отзыва на диссертацию не позволяют нам это сделать. Когда, читаешь страницы сочинения, посвященные этой старой Черкесии, то в сознании всплывает образ, близкий современной благословенной Финляндии.

А что же Россия? Она до такого образа не дотягивает. Правда, автор даёт лапидарные характеристики России и не мобилизует новейшую историографию проблемы социального и политического строя России. Впрочем, сделать это в рамках этой работы было бы, наверное, очень проблематично. Но, собственно, сущностная характеристика России, её устройства, автору не так и важна. Для разрабатываемой концепции важнее другое – показать, что ранние российско-черкесские отношения носили характер посольских связей, что это были взаимоотношения двух равноправных государств (и для нас не важно, что Россия оказывается более отсталой – мы степень развития России во все века преувеличивать не склонны). Сама по себе такая концепция особого возражения не вызывает, хотя в другом месте автор замечает, что Кабарда всегда была «слабым» субъектом международного права. Известно, что на уровне посольств царское правительство строило отношения даже с казацкими «республиками».

Вопрос встает о восприятии и той (Россия) и другой (Черкесия) сторонами института аманатства. Можно допустить, что черкесы подходили к этому явлению, несколько идеализируя его в пасторальном духе, но для российской власти, как это отмечает вслед за другими исследователями, и автор, это была холопская зависимость. Таковой она оставалась и в последующие века. В связи с этим стоит отметить, что

некоторые метаморфозы аманатства, которые постулируются автором, представляются нам надуманными.

Подобное замечание важно для нас не само по себе, а в связи с дальнейшим развитием концепции. Уязвимым её звеном как раз и представляется то деление, которое уже упомянуто в связи с таблицей. Действительно, возникает несколько странное впечатление: колонизатор Потемкин, при котором начались первые в нашей истории депортации народов, оказывается прогрессивно-имперским, а Ермолов, талантливый военачальник (впрочем, тоже колонизатор), который просто честно исполнял свой долг, превращается в носителя регрессивно-имперских тенденций. Позволительно задать и такой вопрос: Казанское ханство было присоединено к России военным путем в XVI в., а черкесы тем же путем – в веке девятнадцатом. И в чем разница по сути и для России, и для вошедших в её состав народов? Такие наивные трактовки: «ответом на демократические реформирование кабардинского общества стала продовольственная блокада» – остаются идеалистическим восприятием (правда, здесь идеализм можно разделить на положительный, касательно горцев, и отрицательный, касательно России). Да, и в целом эта «трехзвенная» концепция двусторонних отношений, где присутствует, например, весьма сомнительное понятие «внутренней дипломатии», выглядит явно надуманной.

Эта спорность подхода автора к теме вызвана, прежде всего, бедностью «теоретической основы диссертации». Того, что есть маловато, да и оно несколько напоминает солянку. Так, в основе постижения «истории дипломатии» лежит несколько работ: от мало, что тут дающего А. В. Лонгинова, занимавшегося в позапрошлом веке древнерусским правом до книги современного писателя Л. А. Юзефовича. А что дают автору разношерстные работы по истории цивилизаций от Шпенглера О. до Гринёва А. В.? Или глубокая мысль довольно слабого издания 2011 года о том, что «империи складывались не просто путем расширения первоначальной территории государства и подчинения одних народов другим, а в ходе поглощения одних суверенных государственных образований другими суверенными государственными образованиями»?

Впрочем, как уже было сказано, такое положение дел с теорией отражает общее состояние российской исторической науки. Одна «теоретическая основа» – марксизм – уже решительно сброшена с корабля российской науки и общественной мысли, другая – цивилизационный подход и за более короткое время, чем марксизм, успел показать свою неспособность хоть что либо объяснить в российской истории. Предпринимаются попытки понять русскую историю, исходя из неё самой, не забывая о сравнении с другими

странами. Но эти попытки могли и не дойти до сферы обзора автора. Оно и понятно: трудно объять необъятное...

Уже то, что в работе представлена масштабная концепция, с которой можно поспорить, которая, как принято говорить, будит мысль, придаёт работе ценность. Можно с уверенностью сказать, что работа состоялась. В ней представлена не имеющая аналогов в отечественной и зарубежной историографии картина развития института аманатства на протяжении всего времени его существования. Практически, все задачи, которые автор ставил, приступая к работе над темой, решены. Особенно успешно решена задача «выявления имен черкесских аманатов в 1552 – 1829 гг. и оценки персональной роли наиболее влиятельных политических деятелей из них в двусторонних отношениях Черкесии и России».

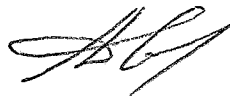
Научная новизна работы ярко выражена: введен в научный оборот огромный и систематизированный комплекс исторических источников; показано, что институт аманатства был главным инструментом взаимодействия российской и черкесской элит; выявлено большое количество имен аманатов; уточнены генеалогии и годы правления *пцыхуэ* Кабарды и многое другое. Мы, конечно, не можем согласиться с тем, что работа «открывает новое, посольско-дипломатическое направление в исследовании механизмов формирования Российской империи». Однако, это не влияет на высокую оценку работы.

Учитывая всё сказанное: актуальность темы, научную новизну, огромный труд вложенный в работу, можем заявить, что диссертант заслуживает присуждения ему степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук (07.00.02 – Отечественная история) профессором Дворниченко Андреем Юрьевичем.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры Истории России с древнейших времен до XX века «Санкт-Петербургского государственного университета», протокол № 6 от 24 сентября 2018 г.

Заведующий кафедрой Истории России
с древнейших времен до XX в.
доктор исторических наук
(07.00.02 – Отечественная история)
Профессор

Дворниченко Андрей Юрьевич

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ)

Почтовый адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9.

Телефон: + 7(812) 328-20-00

Сайт: <http://spbu.ru/>

Электронный адрес: spbu@spbu.ru

**Основные публикации сотрудников
кафедры Истории России с древнейших времен до начала XX века
Санкт-Петербургского государственного университета
по теме диссертации соискателя Ф. А. Озовой: «Институт аманатства в черкесско-
российских отношениях: 1552-1829 гг.»
(за последние 5 лет)**

1. Шапошник В.В. «Мятеж» Андрея Старицкого (осень 1536 – июнь 1537 гг.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские Славянские и Балканские исследования). 2013. № 1 (13). С. 174 - 212.
2. Шапошник В.В. Борьба за власть в Москве после смерти Василия III и внешняя политика Русского государства // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (Петербургские славянские и балканские исследования). № 1. 2014. С. 27 - 37.
3. Шапошник В.В. Иван Грозный. СПб., Академия исследования культуры, 2015. 312 с.
4. Выскочков Л.В. Николай I: портрет в миниатюре // *Вопросы истории*. 2017. С. 113-125
5. Выскочков Л.В. Н.М. Карамзин и Николай I: теория и практика «просвещенного абсолютизма» // *Mikolaj Karaminsin i jego czasy / Red. naukowa Magdalena Dąbrowska i Piotr Głuszkowski*. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. S. 309–318.
6. Выскочков Л.В. Император Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М.: Академический проект, 2018. 999 с.
7. Корзинин А.Л. Дворовые дети боярские в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 1550-х гг.: сравнительный анализ // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 2 (60). С. 63-75.
8. Корзинин А.Л. Тысячная реформа Государева двора 1550 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 3 (61). С. 59-60.
9. Корзинин А.Л. К изучению Особого двора Ивана Грозного в 1573–1575 гг. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2017. № 1 (66). С. 1-12.
10. Павлов А. П. Рост землевладения боярской элиты за счет пожалований из черных и дворцовых земель в первой половине XVII в. // *Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории*. СПб.: «Нестор-История», 2017. № 3 (15). — С. 32–45.
11. Павлов А. П. Новый взгляд на историю тяглых сословий XVI – XVII вв. (Диалог о книге: В.А.Аракчеев. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века) // *Российская история*. 2016. № 2. С. 12-15.
12. Павлов А. П. Les Strečnev et les Miloslavskij dans la première moitié du XVIIe siècle: Liens de famille et liens sociaux, carrière à la cour, voies d'accès à l'élite dirigeante // *Cahiers du Monde Russe* 57/2-3, Avril-septembre 2016. Famille et mobilité sociale en Russie, XVIe - XVIIIe siècles, Paris, 2016. P. 275-309.

13. *Дворниченко А.Ю.* Онтология российской государственности // Российское государство в историческом измерении // Труды исторического факультета СПбГУ. Т.15. СПб., 2013. С.16 – 28.
14. *Дворниченко А.Ю.* Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.
15. *Дворниченко А.Ю.* Племенные структуры и славянские политогенезы (Реплика) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, СПб., 2015, № 2(18). С. 152 – 160.

Заведующий кафедрой Истории России
с древнейших времен до XX в.
доктор исторических наук
(07.00.02 – Отечественная история)
Профессор

Дворниченко Андрей Юрьевич